

ДРУГЪ ДАЧИ

Спутникъ въ дачномъ обществѣ, собесѣдникъ во всякое время дня и ночи.

— Что это вы, Петръ Ивановичъ, въ такой амуници?

— Да, у меня, батенька, вой стражники разбѣжались, та з цѣлый день и кожу съ оружіемъ и съ пожарной кишкой—имущество свое охраняю!

КУПАЛЬНЫЙ СЕЗОНЪ.

Такъ какъ, вообще, вся нынѣшняя дачная жизнь имѣетъ особую «чрезвычайную» окраску, то сіе обстоятельство отразилось конечно и на купальномъ сезонѣ.

Въ «доброе старое время» купанье служило для освѣженія купающихся и для развлечения наблюдающихъ.

Весело и мило.

Всѣ довольны.

Они въ купальныхъ костюмахъ, сшитыхъ по послѣдней купальной модѣ, а въ случаѣ особенно хорошаго сложенія и вовсе безъ костюмовъ—плаваютъ или грѣются на солнышкѣ.

Они же съ биноклями или фотографическими аппаратами изучаютъ пластику, дѣлаютъ снимки и вообще чувствуютъ себя «артистами».

Такъ было прежде.

Теперь не то. Теперь *они* начали купаться въ бронированныхъ костюмахъ съ браунингами въ рукахъ.

Теперь *имъ* даже и подойти близко нельзя, ибо *они* въ настроеніи самомъ воинственномъ и, устраивая во время купанья женскіе митинги, принимаютъ каждаго мирнаго любителя «красоты» и «природы» за «шпика»...

Теперь дачный ловеласъ не то что фотографію снять, но и въ бинокль взглянуть на купающихся опасается.

Дамы стали до того энергичны, что эти «мирныя» занятія приходится «ахъ оставить», дабы сохранить въ цѣлости неприкосновенность личности и одежды.

Мнѣ рассказывали, что недавно одного дачнаго «фотографа» прелестныя купальщицы приняли за «городовое пальто» и такъ выкупали, что у него еще до сихъ поръ припадки морской болѣзни и женобоязни.

Да, все измѣняется..

И все измѣняется конечно къ лучшему.

Ибо нѣтъ худа безъ добра.

Мужчины, напримѣръ, нынче совсѣмъ вмѣстѣ некупаются...

Дабы не встрѣтиться съ политическимъ противникомъ...

И не утопить его за убѣжденія.

Развѣ это не хорошо?

Твердость убѣжденій—великая вещь.

И встрѣтиться въ купальнѣ съ черносотенцемъ и не отправить его къ рыбамъ—не всякому возможно при нынѣшней горячности и нервности.

А посему большинство купается въ одиночествѣ или въ своемъ кружкѣ.

Цитра.

ПОСЛАНІЕ МЕНЬШИКОВУ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Твой восьмигранный фельетонъ—
Пиши съ нахальствомъ, со смиреньемъ,
Иудушка-хамелеонъ.

Пусть сплетни блещутъ въ каждой строчкѣ—
Не отдыхай, не отдыхай!
И гнусность дописавъ до точки,
Пятиалтынные считай.

Нук.

„РУССКІЯ ПѢСНИ“, ЗАПИСАННЫЯ
НѢКИМЪ САТРАПОМЪ.

1.

Не шуми, мати-дубровушка
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу,
Почитать своихъ родителей
И тузителей-начальниковъ.
Не мѣшай же мнѣ, дубровушка,
Почитать, во-первыхъ, «земскаго»,
Станового и урядника
А тѣмъ паче губернатора.

2.

Ео полѣ березенька стояла,
Все объ украшеньицахъ мечтала,
Но повѣсили на ней «бунтовщика»
И она плясать готова трепака.

Цитра.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ О НЫНѢШНИХЪ
ДѢЛАХЪ.

(Цитаты изъ басенъ).

...Ужъ въ рошѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ,
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рошу вдругъ объемлетъ.
(«Рошца и огонь»).

У сильнаго всегда безсильный виноватъ,
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ.
(«Волкъ и ягненокъ»).

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать,
Сказалъ и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.
(Ibid.).

Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ хулу клонить;
А ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонить.
(«Мартышка и очки»).

И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.
(«Червонецъ»).

Да сильные въ правахъ бывають часто слѣпы.
У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣетъ—тотъ и правъ.
(«Левъ и барсъ»).

Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья, къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ;
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!...»
(«Волкъ на псарнѣ»).

Ну, какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.
(«Лисица и сурокъ»).

Собралъ Апельсинъ.

НА ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕМЫ.

Женщины-юристы.

Отъ души привѣтствуемъ женщинъ-юристовъ.

Привѣтствуемъ серьезно... и конечно шутя, ибо нельзя же въ юмористическомъ изданіи помѣщать публицистическихъ статей.

Итакъ, къ дѣлу.

Намъ рисуется картина обновленнаго суда.

Предсѣдатель—шатенка съ пышной фигурой, въ скромномъ, но изящномъ платьѣ, сшитомъ конечно по самой послѣдней модѣ.

Судьи—исключительно съ пепельными волосами и слегка декольтированныя.

Прокуроръ—жгучая брюнетка, немного худощавая, но нелишенная своеобразной прелести, дама въ восточномъ вкусѣ и съ темпераментомъ въ 80° по Реомюру.

Адвокатъ—свѣтлая блондинка съ прелестными голубыми глазками.

Обвиняемый—азъ грѣшный, редакторъ сатирическаго журнала «Горчица».

Засѣданіе суда происходитъ въ уютной гостиной.

Мягкая мебель, картины, цвѣты, запахъ тонкихъ духовъ.

Несмотря на пролетарскую привычку—носить русскую рубаху, я ради такого исключительнаго суда, облачаюсь въ сюртукъ и захожу предварительно къ парикмахеру.

Въ своемъ адвокатѣ я увѣренъ.

Мы вчера съ нимъ ужинали за городомъ и «она» поклялась меня защитить отъ брюнетки-прокурора.

Засѣданіе открывается.

Сбвинительный актъ читаетъ пикантный секретарь съ осиной таліей и хорошенькими глазами.

Начинается рѣчь прокурора.

Брюнетка въ ударѣ. Она мечетъ громы и молніи и требуетъ для меня высшаго наказанія, и именно, чтобы я женился на ея старшей сестрѣ.

Предсѣдатель перебиваетъ прокурора предложеніемъ обязать меня, подсудимаго, жениться на предсѣдателѣ.

Мой очаровательный защитникъ заявляетъ, что я вчера далъ «ей» слово и поэтому наказаніе не подходить.

А я, честное слово, не помню, давалъ ли я защитницѣ слово, или не давалъ; я вчера былъ въ такомъ любвеобильномъ настроеніи, что могъ дать слово 40 защитникамъ и 20 прокурорамъ одновременно.

Судъ длится.

Говорятъ, говорятъ, говорятъ.

Съѣхали на личную почву и на вопросы о новѣйшихъ фасонахъ лифчиковъ.

Прокуроръ заявляетъ, что у моего защитника искуственный бюстъ.

Защитникъ въ обшенствѣ.

Еще бы—такая клевета.

Я, подсудимый, встаю и даю честное слово суду, что бюстъ моего защитника вполне естественный и очаровательный.

Предсѣдатель меня останавливаетъ, замѣчая что это «личный взглядъ».

Защитникъ въ отместку прокурору заявляетъ, что у брюнетки накладные волосы и наклеенныя брови.

Горячая схватка.

Засѣданіе длится уже 48 часовъ.

О «Горчицѣ» еще не было произнесено ни слова.

Я цѣлую ручку защитнику и умоляю скорѣе меня оправдать, чтобы намъ вмѣстѣ поѣхать ужинать.

Прокуроръ ловитъ мой влюбленный взглядъ (я и ему объясняюсь въ любви взглядами) и отказывается отъ обвиненія.

Я оправданъ.

Сегодня я ужинаю съ защитникомъ.

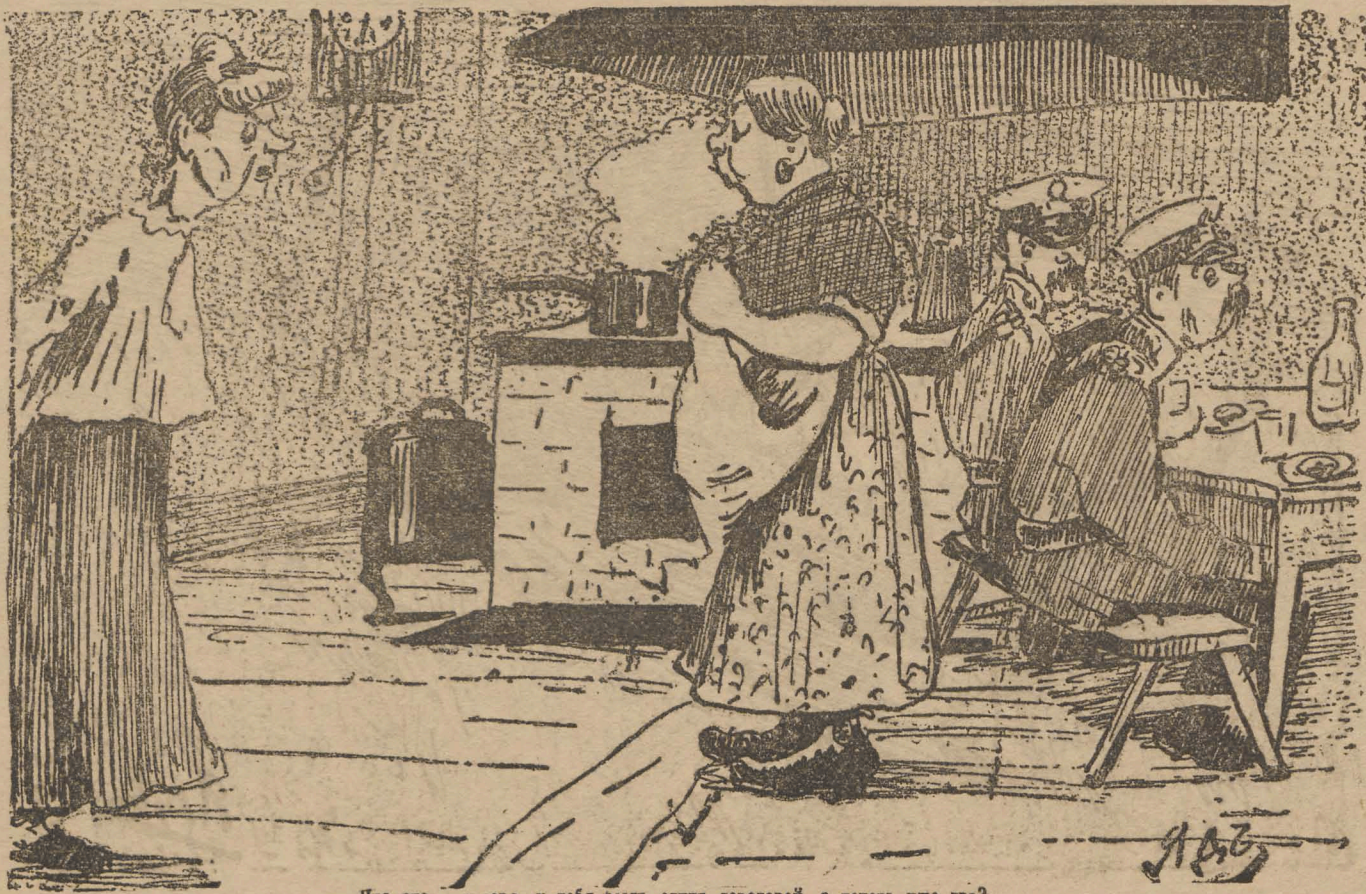
Завтра—съ прокуроромъ.

Послѣ-завтра—съ предсѣдателемъ.

А затѣмъ со всѣми членами суда, по очереди.

Да здравствуютъ женщины-юристы!..

Цитра.

— Что это, шизорана, у тебя была одна гороховая, а теперь уже два?
— Да вѣдь теперь, барыня, чрезвычайная охрана!

ВРЕМЯ ДЕНЬГИ.

(Изъ дачныхъ мелодій).

Сэръ Джонъ Буль и мистеръ Янки
«Время—деньги!»—говорятъ.
Въ ихъ конторѣ, въ лавкѣ, въ банкѣ
Каждымъ часомъ дорожатъ.
Ну и мы съ принципомъ этимъ
Такъ освоились, что чуть
Гдѣ двухъ, трехъ безъ дѣла встрѣтимъ—
Не упустимъ попрекнуть:

Какъ не грѣхъ, молъ, золотое
Время попусту терять?
Налицо теперь насъ трое,
Гдѣ-бъ четвертаго?...—и глядь:

Тотъ сдаетъ,
А тотъ тасуетъ,
Тотъ вистуетъ,
Тотъ пасуетъ,

Въ смыслъ бубенъ, червей и пикъ
Каждый вникъ.

Подводя, ремиза, кроя,
Мы просиживаемъ ночь.
Досидѣть до геморроя
Мы за картами не прочь
Впрочемъ есть и интервалы:
Разыгравши семь безъ трехъ,
Къ водкѣ идутъ «либералы»
И толкуютъ:—Охъ, какъ плохо

Сталъ кредитъ нашъ! Фонды пали,
Мало въ обществѣ труда!
Мало... Впрочемъ, что жъ мы стали?
Къ дѣлу, къ дѣлу, господа!—
Тотъ сдаетъ,
А тотъ тасуетъ,
Тотъ вистуетъ,
Тотъ пасуетъ,
Въ смыслъ бубенъ, червей и пикъ
Каждый вникъ.

Засѣдала нынче Дума,
Но моментъ и Думы нѣтъ.
Петербуржцу эта дума
Не испортила обѣды!
А на дачахъ? Охъ, любому
Не до книгъ и не до нотъ,
Воспитательному-жъ дому
Есть, навѣрное, доходъ.
И глядите: всѣ сомнѣнья
И мужей всѣхъ дачный трудъ,
Всѣ порывы, всѣ стремленья
Поглотили карты тутъ:

Тотъ сдаетъ,
А тотъ тасуетъ,
Тотъ вистуетъ,
Тотъ пасуетъ,

Въ смыслъ бубенъ, червей и пикъ
Каждый вникъ.

Дачникъ-Крестовскій.

Вотъ по голосу узнаю, что нашъ, изъ «истинно-русскихъ» людей!

ПАСЬ

Точно замокъ феодальный,
Вся узорная, рѣзная,
Смотритъ дача изъ деревьевъ
Ярко окнами сия.

Садъ раскидистый и темный
Ароматной полонъ мглою,
Въ чашу свѣтъ упалъ съ балкона
Серебристой полосою.

Тамъ синклитъ мужей солидныхъ
За столомъ сидитъ зеленымъ,
Точно сонмъ премудрыхъ старцевъ
Съ видомъ важнымъ и ученымъ.

Неподвижны и угрюмы
Лицъ степенныхъ очертанья.
Надъ синклитомъ бюрократовъ,
Вѣетъ мертвое молчанье.

Судьбы цѣлаго народа
Будто тупость ихъ рѣшаетъ.
«Пась!» торжественно и глухо
Крестносецъ возглашаетъ!

А жена его уходитъ
Съ адъютантомъ въ чашу сада.
«Пась!» съ балкона голосъ мужа...
И за «пасъ»—рога награда!

Инногнито.

ПОЛУБАСНИ.

(Крылова съ моими комментаріями).

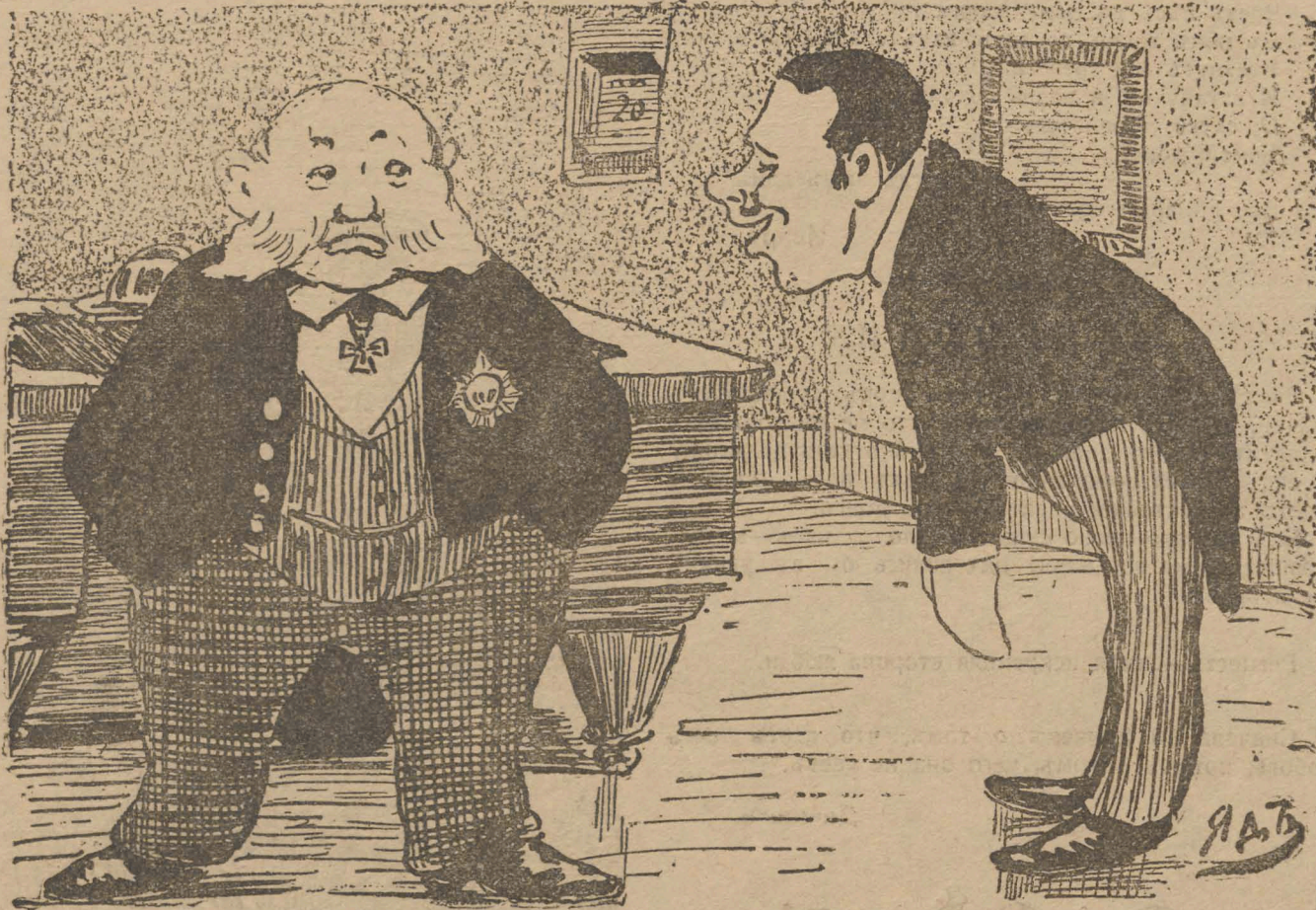
«Однажды истина нагая,
Оставя кладезъ свой, на бѣлый вышла светъ»...
Но бюрократовъ злобныхъ стая
Свела ее на-нѣтъ.

«Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать,
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ кое-гдѣ служилъ
И заманилъ къ себѣ сосѣда слушать
Сосѣдскій разговоръ...
Тотъ слово вымолвилъ... и... мигомъ... на запоръ.

«Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался»,
Но наконецъ
Взорвался.

Поймала котка соловья;
Въ бѣдняжку когти запустила
И ласково, его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!»
Веди себя спокойно, не волнуйся
И въ оппозицію не суйся!

Цитра.

Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что, благодаря просвѣщеннымъ указаніямъ вашего вѣро-ства, въ неурожайной мѣстности
голодъ прекратился, такъ какъ вчера послѣдній мужикъ уже умеръ съ голода.

СУМАСШЕДШИЙ РЫЦАРЬ.

— О, бѣдный конь мой! ты усталъ...
 Но путь лежитъ предъ нами...
 Мнѣ Богъ самъ въ руки шпагу далъ
 На бой съ его врагами...
 Онъ мнѣ сказалъ: все злое бей—
 Все доброе спасая!
 И я лечу спасать людей,
 Я мчусь, не отдыхая...
 И въ воду кинусь и въ огонь...
 Страдальцы! не томитесь...
 Впередъ, мой конь!..

— Да гдѣ вашъ конь?
 Вы, рыцарь, горячитесь!

— Такъ нѣтъ коня?.. Пстой, пстой:
 Я—рыцарь... Что за слезы?
 Осталась дама... красотой
 Она милѣе розы!
 Бѣги, мой пажъ! скажи ты ей,
 Что буду на свиданье,
 Чтобъ горе высказать предъ ней,
 Всѣ муки, все страданье...
 Чтобъ слово ласки услышать...
 О, слуги, торопитесь!

Бѣгите къ ней!.. — Къ кому бѣжать?
 Вы, рыцарь, горячитесь!

— И друга нѣтъ!.. Въ далекий путь
 Сбирайся, пажъ, скорѣе:
 Хочу я дома отдохнуть,
 Хочу вздохнуть вольнѣе!
 Мой замокъ рвами окруженъ,
 Черезъ лѣсъ къ нему дорога...
 Въ немъ жизнь пойдетъ, какъ сладкій сонъ,
 Утихнетъ вся тревога...
 И встану я!.. и вновь потомъ...
 О, слуги, торопитесь:
 Домой, домой!..

— Да гдѣ вашъ домъ?
 Вы, рыцарь, горячитесь!

Искра.

НАБРОСКИ.

Въ сѣверной Инди до сихъ поръ существуетъ
 обычай, въ силу котораго тотъ, кто не въ состоянн
 заплатить своихъ долговъ, долженъ отдать должнику
 въ видѣ залога свою жену до тѣхъ поръ, пока не
 будетъ въ состоянн уплатить свой долгъ.

Если бы это право существовало у насъ—въ на-
 стоящее время всѣ жены находились бы въ рукахъ
 кредиторовъ.

Ревность—самая искренняя сторона любви.

Сначала мы думаемъ о томъ, что даетъ намъ
 любовь; потомъ о томъ, чего она не даетъ.

Дачнинъ.

Пажъ бояба блестятъ!

Батюшки свѣты! Никакъ ихъ благородіе господня пристава!

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ШАЛОСТЕЙ ПЕРА.

Мнѣ очень нравится Nadine,
Я не хочу отъ васъ скрываться,
И уважительныхъ причинъ
Съ ней отъ знакомства отказаться
Не нахожу ни въ чемъ, ей-ей...
Но только будетъ пусть секретомъ,
И, чуръ, друзья, женѣ моей

Ни-ни объ этомъ.

Ахъ, мнѣ профессоръ запретилъ
Вино и пиво—очень строго:
Вѣдь оттого, что такъ кутилъ,
И заболѣлъ-то я немного!
Однако, что же? для друзей
Я пренебречь готовъ совѣтомъ,
Но, только, чуръ, женѣ моей

Ни-ни объ этомъ!

Нельзя сказать, чтобы всегда
За трудъ платили слишкомъ мало,
Но деньги льются какъ вода
День, два—и ихъ уже не стало;
Вотъ почему, друзья, ей-ей,
Въ долги вошелъ я этимъ лѣтомъ.
Но, чуръ, прошу, женѣ моей

Ни-ни объ этомъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Не бѣднѣй я иныхъ богачей, господа,
А пожалуй, что многихъ богаче.
Напримѣръ: тѣ на дачѣ живутъ не всегда,—
Я же лѣто и зиму на дачѣ.
Говорятъ, что бываетъ зимой имъ тепло,
Что имъ лѣтомъ бываетъ прохладно:
На изнанку природу вывертывать—зло,
Я рѣшилъ, и мнѣ это отраднo.
Говорятъ, въ ихъ домахъ чудеса красоты—
Дорогіе цвѣты и картины;
На окошкѣ моемъ отъ мороза цвѣты
И не хуже гардинъ паутины.
Видѣлъ упряжь ихъ я, кучеровъ ихъ нарядъ,
И коней ихъ и въ мылѣ и въ парѣ.
Что-жъ?—извозчики, видя меня, говорятъ:
«Вишь, понесся на собственной парѣ!»
Правда, вѣчно шикаренъ ихъ модный костюмъ,
Ну, а мой,—что на нищенской братѣ,
Но, клянусь, мнѣ нерѣдко приходитъ на умъ,
Что самимъ собой крашу я платье.

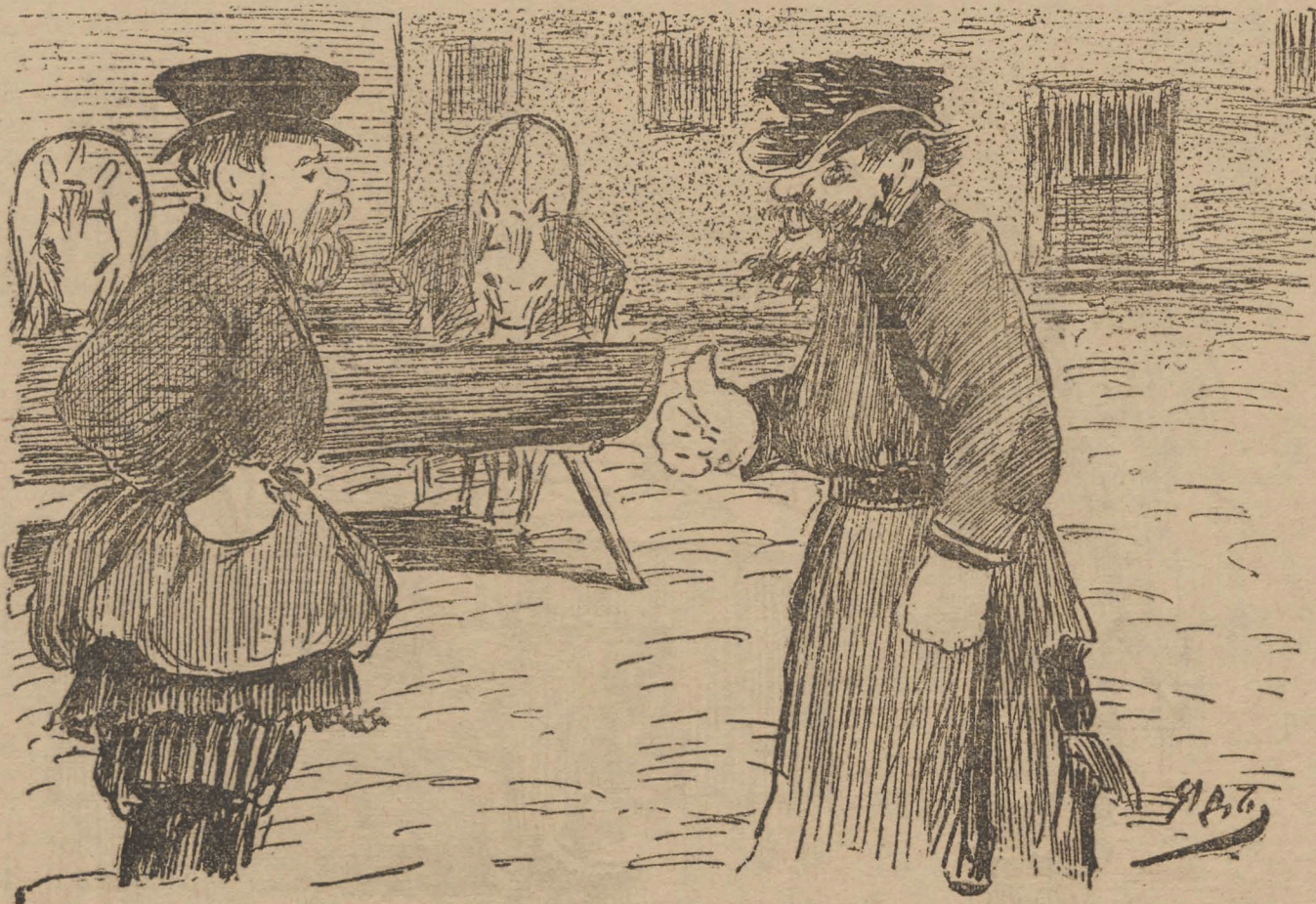
ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ЛЮБВИ.

Въ двадцать лѣтъ любовь сияетъ. Въ ней все: цвѣты,
лучи солнца, счастье.

Въ тридцать лѣтъ она улыбается. Это время пло-
довъ, жатвы.

Въ сорокъ лѣтъ она становится печальной. На
сморки, разстройство желудка, ревматизмы.

Въ пятьдесятъ лѣтъ она замерзаетъ.

— Кто это тебя такъ раздѣлалъ?
— А это меня приставъ убѣждалъ, чтобы я изъ союза извозчиковъ вышелъ.

Наши цензора. — Я у тебя эту газету отберу, потому т. т. сказано: «последовать взрывъ смѣха», а на счетъ взрывовъ знаешь ли тое, не полагаются!

Доктор . — Да вы бросьте пить!
Городовъ . — Никакъ не возможно! сейчасъ скажутъ пить забастовалъ, а за забастовку, сами знаете, нашего брата не похвалят!

— Какъ тебя, такого пьюгаваго, хулиганскимъ десятникомъ сдѣлали?
 — А потому я хоша малъ, а пакость могу большую сдѣлать!

МЕЛОЧИ.

Нѣкто, находившійся постоянно въ долгахъ, умирая, воскликнулъ: «Боже мой! если бы я могъ хотя столько пожить, чтобъ свои долги заплатить». Докторъ, иронически улыбаясь, замѣтилъ, что никому изъ насъ вечная жизнь не дана.

Въ одномъ уѣздномъ городѣ обанкрутился аптекаръ; когда его спросили причину несостоятельности, — онъ замѣтилъ: она чрезвычайно проста. Нашъ единственный докторъ прописываетъ больнымъ только свѣжій воздухъ, а за этимъ добромъ никто въ аптеку не обращается.

ИЗЪ МЫСЛЕЙ И ШУТОКЪ АЛЬФОНСА КАРРА.

Вольтеръ говорилъ: мои лучшіе стихи къ свободѣ я сочинилъ въ Бастиліи.

Зима заставляетъ поэта опьяняться благоуханіемъ несуществующихъ цвѣтовъ, о которыхъ онъ груститъ, которыхъ онъ жаждетъ.

Что такое любовь,—объ этомъ надо спрашивать несчастныхъ любовниковъ.

Большинство людей, оказывая ближнему даже дѣйствительную услугу, бросаютъ свои милости такъ свысока, что онѣ почти всегда увѣчатъ ими обязанныхъ. Поэтому такъ много благодѣтелей и такъ мало добрыхъ дѣлъ.

Изреченіе китайскаго философа:

— Дѣлайте то, чего вы себѣ желаете, не дожидаясь, пока вамъ захочется это сдѣлать.

Человѣкъ, который, старѣя, послѣдовательно видитъ, какъ все умираетъ вокругъ него, похожъ на дерево, роняющее осенніе листья.

Поэзія обладаетъ многими выраженіями, чтобы рисовать скорбь, одиночество, смерть, разлуку, но она не умѣетъ изобразить счастье иначе, какъ разбитымъ, потеряннымъ, прошедшимъ. Почти всѣ поэты, которые обращались къ этимъ сюжетамъ, сочинили очень недурной адъ, но рай никому не удался.

Стоимость дириамбовъ знатнымъ лицамъ зависитъ

отъ соображенія: поскольку обстоятельства нанимаемаго и нанимателя служатъ гарантіею, что первый въ состояніи превратить дириамбъ въ пасквиль, а второй—стерпѣть это.

Постановленіе по закону о литературной собственности:

1) Литературная собственность не есть собственность.

2) Воспрещается имѣть наслѣдниковъ тѣмъ, кто не можетъ оставить наслѣдства.

Ростовщикъ. Батюшка, скажите-ка хорошенькую проповѣдку противъ ростовщиковъ.

Священникъ. Но... мнѣ говорили...

Ростовщикъ. Вамъ говорили правду, батюшка.

Священникъ. Слѣдовательно... вы хотите бросить свой промыселъ?

Ростовщикъ. Я? Нѣтъ. Я хочу, чтобы бросили другіе ростовщики: они дѣлаютъ мнѣ дьявольскую конкуренцію.

Въ судѣ исправительной полиціи. Президентъ допрашиваетъ нищую.

— Ваша профессія?

— Чистильщица гороха.

— Это не профессія.

Я беру бѣдную женщину подъ свою защиту.

— Что называете вы профессіей, г. президентъ?

Нельзя же всѣмъ быть президентами суда исправительной полиціи.

Чистить горохъ шестнадцать часовъ въ сутки за грошевую поденную плату, въ потѣ лица своего зарабатывать каторжнымъ трудомъ хлѣбъ насущный,— это не профессія?

— Что это вы Иванъ Петровичъ, съ цвѣточнымъ горшочкомъ разгуливаете?

— А это, видите-ли, все, что осталось отъ моего имѣнія послѣ разгрома; думаю, не вложить-ли въ Дворянскій банкъ!

Въ провинціи.

— Перестала, милая ты моя, апельсинами торговать, однимъ лимономъ торгую: потому, какъ апельсины принесешь, сейчасъ городовые всё и разберутъ, потому, говорятъ, новѣ это товаръ опасный, и губернаторъ этотъ фруктъ страхъ не обожаетъ.

— И еще говорятъ, что мы помѣщики—туземцы, нигуда не годимся! Былъ мирнымъ обывателемъ, теперь сдѣлался изъ-за аграрныхъ безпорядковъ, почти главнокомандующимъ,—просто, чувствую себя Суворовымъ!

ИЛЛЮЗИИ.

(Случай).

I.

Находясь проездомъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ, я остановился въ гостиницѣ.

Рядомъ съ моимъ номеромъ жили двѣ дамы.

Одна молоденькая, лѣтъ двадцати трехъ, и очень хорошенькая.

Другая, навѣрное ея компаньонка, старая дѣва лѣтъ тридцати пяти, сильно уже тронутая безпощаднымъ временемъ, удивительно некрасивая.

Фигуры обѣихъ женщинъ слегка напоминали одна другую.

Но, боги, чтобы я далъ за мгновенье любви съ первой и не за какія коврижки не согласился бы провести и пяти секундъ въ объятяхъ второй.

II.

При мимолетныхъ встрѣчахъ я бросалъ страстные, безконечно много говорящіе взгляды на прелестную незнакомку. Въ свою очередь на меня бросала довольно вызывающіе взгляды ея компаньонка.

Со свойственной молодости самоумѣренностью я объяснялъ эти взгляды желаніемъ хорошенькой дамы завести со мной знакомство черезъ компаньонку.

Но не успѣлъ я придумать повода къ знакомству, какъ разыгралось событіе.

III.

Вечеромъ я получилъ такую записку:

— Вы мнѣ нравитесь. Я сегодня ночью приду къ вамъ. Надѣюсь, что вы не будете узнавать кто я. Достаточно съ васъ и того—что вы получите больше чѣмъ ожидаете. Еще одно условіе—если вы не хотите, чтобы я сейчасъ же ушла—не зажигайте огня и не ждите отъ меня ни одного слова.

Ваша NN.

Я былъ на седьмомъ небѣ отъ счастья.

Конечно, красавица играетъ роль.

Она въ меня влюбилась съ перваго взгляда и сегодня она будетъ моей.

Какое безумное счастье!

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія ночи.

IV.

Въ дверь слегка постучали.

Не успѣлъ я что-либо отвѣтить, какъ дверь раскрылась, пропустила черную тѣнь и замокъ щелкнулъ.

Въ комнатѣ было темно—хоть глазъ выколи.

Я пошелъ наугадъ и наткнулся на таинственную даму.

На ней былъ накинутъ легкій пенюаръ... и больше ничего.

Я не терялъ драгоценнаго времени.

Я шепталъ ей слова любви и цѣловалъ безъ конца.

Она отвѣчала. Боги, что это были за ласки. Никогда въ жизни ни до, ни послѣ безумной ночи, мнѣ не приходилось испытывать ничего подобнаго.

Въ моихъ объятыхъ лежала вакханка. Правда, она меня порядкомъ искусала, но зато и вознаградила за это... Я совершенно обезумѣлъ.

Часы мчались какъ секунды.

Несмотря на всѣ мои усилія заставить ее произнести хоть слово—она молчала. Кромѣ вздоховъ и скрежета зубовъ въ экстазѣ любви—я не слыхалъ ничего.

Наконецъ она встала. Дала мнѣ послѣдній какой-то особенный волшебный поцѣлуй, накинула свой пенюаръ и исчезла, прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться отъ этихъ никогда неиспытанныхъ ласкъ.

V.

Когда на другой день я встрѣтилъ незнакомку—они вели себя по прежнему. Хорошенькая была неприступна. Некрасивая бросала пламенные взгляды, отъ которыхъ меня коробило.

— Ну и антила же! думалъ я, смотря на красивую незнакомку.

Утромъ во время бесѣды съ номерными, я узналъ, что некрасивая барышня уѣзжаетъ на два дня.

Я, конечно, пришелъ въ телячій восторгъ.

Блаженство повторится. У меня впереди двѣ ночи любви.

Теперь ужъ я самъ пойду къ таинственной красавицѣ.

Женщины любятъ смѣлость.

VI.

Когда наступила ночь, я осторожно вышелъ въ корридоръ и тихо постучалъ.

Мнѣ сейчасъ же отворили.

Въ ея комнатѣ было темно.

Я не заставилъ себя ждать и велъ себя великолепно.

Но каково было мое удивленіе, когда на мои ласки почти не отвѣчали... Что-то холодное, вялое, не было даже отдаленныхъ намековъ на страсть. А между тѣмъ, какія божественныя формы. Какая изящная маленькая ножка.

— Тебя подмѣнили, богиня! произнесъ я и не долго думая чиркнулъ спичку... Передо мной лежала красавица.

Она вспыхнула.

— Вы не умѣете себя вести съ порядочными женщинами! — сказала она гнѣвнымъ шепотомъ и предложила мнѣ удалиться.

Во время встрѣчъ со мной красавица не обращала на меня никакого вниманія.

Я былъ совершенно обезкураженъ.

VII.

На третью ночь послѣ неудачнаго любовнаго приключенія, въ дверь опять постучали.

Повторилось все-тоже, что и во время перваго пощщенія незнакомки.

Опять я былъ на седьмомъ небѣ. Опять въ моихъ объятыхъ лежала вакханка.

— Что же это, наконецъ, значить? подумалъ я и въ антрактѣ послѣ вихря сказочныхъ восторговъ рискнулъ опять чиркнуть спичку.

Что за ужасъ.

На диванѣ лежала обнаженная уродина-компаньонка съ искаженнымъ отъ страсти взоромъ, съ отвратительной фигурой, съ огромнымъ родимымъ пятномъ на лѣвой достаточно вялой груди.

Мнѣ сдѣлалось дурно. Она же взвизгнувъ убѣжала.

VIII.

Съ тѣхъ поръ я понялъ, какія иллюзіи даетъ хорошенькое личико и какъ оно въ сущности мало значить во время любовнаго экстаза... въ темнотѣ конечно.

Nuk.

ДНЕВНИКЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Кража. На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ № 1985, кв. 4, на прошлой недѣлѣ совершена дерзкая кража *добраго имени* г-жи Перевертовой. Послѣ тщательныхъ розысковъ таковое вскорѣ было найдено на языкѣ одной извѣстной сплетницы Анисьи Вавилоновой и возвращено по принадлежности безъ вреда для здоровья.

Трупъ. 26-го сего октября на набережной Обводнаго канала усмотрѣнъ былъ холодный трупъ мертвца покойника, скончавшійся отъ неизвѣстной причины и перешедшій въ иной міръ посредствомъ смерти. Послѣ вскрытія въ препаровочной Обуховской больницы оказалось, что такового трупа на Обводномъ каналѣ вовсе не было найдено, а вся исторія—есть бредъ охмѣлѣвшаго репортера одной высоко-распивочной газеты.

Убійство. 27-го октября, въ домѣ № 42, по набережной Малой Невки, въ квартирѣ № 5, могло-бы быть совершено злодѣйское убійство, стоившее жизни десяти обитателямъ квартиры и несчастные могли-бы захлебнуться въ лужахъ крови, съ перерѣзанными горлами, если-бы въ означенную квартиру пришли убійцы и посягнули-бы на жизнь безвинныхъ обитателей дома № 42 по набережной Малой Невки. Къ счастью ничего подобнаго не произошло, и жители кв. № 5 находятся въ вождѣлннмъ здравіи.

НА ЛЕТУ.

— Былъ это я, братецъ, на спиритическомъ сеансѣ. Удивительно! Съ человѣка со связанными руками и ногами духи снимаютъ одежду.

— Да это не то что духи, а каждый хулиганъ снимаетъ съ удовольствіемъ.

— Ты каждый день ходишь къ парикмахеру?
— Да. Я хожу для изученія иностранныхъ языковъ...
— Т. е.?
— Уже кое-что знаю, на примѣръ: *юни суа ки маль ипань*—это по-англійски; *рира бьенъ, ки рира ле дернге*—это по-французски...

Дачникъ.

* * *

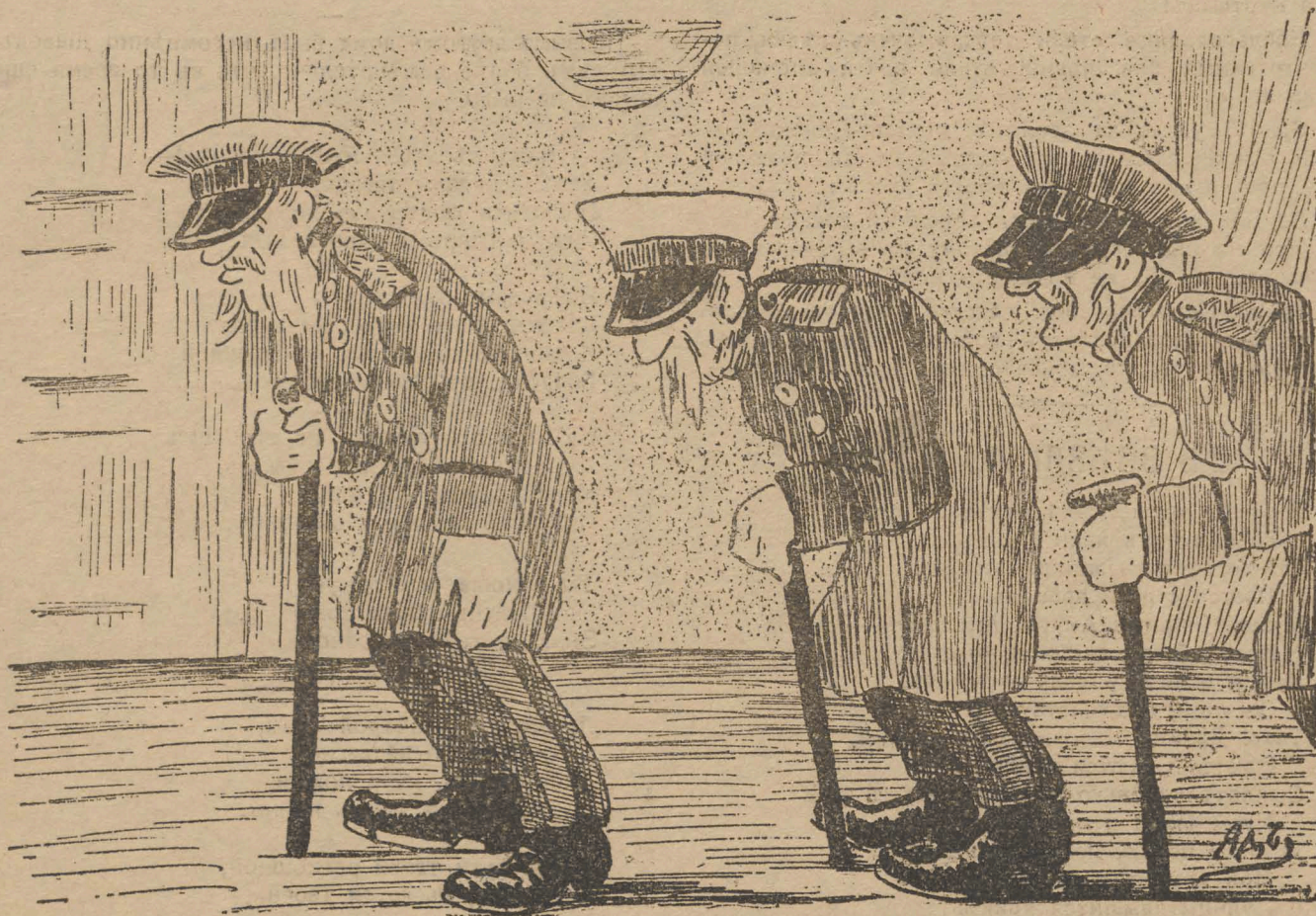
Онъ, лжи и грязи не любя,
Радѣлъ о правдѣ-маткѣ
И выходилъ все изъ себя.
Въ себя-жъ пришелъ онъ... въ Вяткѣ.

Я.

Сказка о красной шапочкѣ и о сѣромъ волкѣ.

Волкъ съѣлъ красную шапочку,
Но она воскреснетъ.

Цитра.

Стопы отечества бредутъ на отдыхъ послѣ усиленныхъ занятій.

Милостивый Государь,
г-нъ Редакторъ.

Моя фамилія—Ивановъ; ввиду того, что Ивановыхъ постоянно смѣшиваютъ съ другими Ивановыми, не имѣющими ничего общаго съ первыми Ивановыми, то я, какъ Ивановъ, прошу Васъ не смѣшивать меня съ Ивановыми, какъ неимѣющими ничего со мною общаго, и тѣмъ болѣе съ Иванами Ивановичами Ивановыми, имя, отчество и фамилія которыхъ тождественно—сходны съ моими и посему могутъ умышленно или случайно компрометировать путемъ смѣшиванія безпорочныя имя, отчество и фамилію мои, съ коими имѣю честь быть вашего высокородія всепреданнѣйшій слуга *Иванъ Ивановичъ Ивановъ*, завѣдывавшій сортировкой шведскихъ спичекъ на закрывшейся фабрикѣ «Г. Швиндельмахеръ и К^о».

ЖИТЕЙСКІЕ НАБРОСКИ:

* Говорятъ, что за городомъ хорошъ воздухъ. Отъ чего-бы самихъ городовъ не строить за городомъ?

* Легчайшій способъ смерти есть замерзаніе. Садится себѣ беззаботно, засыпаетъ спокойно, и просыпается мертвымъ!

* Неблагодарные стали теперь очень рѣдки, потому что самыя благодарія стали почти аномаліей въ жизни.

* Одинъ, увидя за званымъ столомъ очень маленькія рюмки, сказалъ, что одинъ изъ его пріятелей умеръ, проглотивъ одну изъ такихъ рюмокъ.

* Другой, которому налили неполный бокалъ, сказалъ, что его надо обрѣзать, потому что верхняя часть его бесполезна, ибо не вищаетъ вина.

* Займодавецъ спросилъ у своего кредитора, вмѣсто векселя, дать свой портретъ, потому что когда будетъ требовать денегъ, то, конечно, не увидитъ его лица.

ВЪ ЗВѢЗДНУЮ НОЧЬ.

Въ небѣ торжественно свѣтитъ луна,
Звѣзды такъ ярко горятъ,
Гдѣ-то звучитъ замирая струна,
Льетъ струей ароматъ.
Музы, Киприда, Амуръ, Аполлонъ,—
Вотъ обстановка моя,—
Ими и ночь я и день окруженъ,
Съ ними блаженствую я.
Тихо! Дремлю въ очарованномъ снѣ,
Рѣютъ и вьются мечты,
Сыплютъ тихонько на жертвенникъ мнѣ
Музы стихи и цвѣты...
И лишь порою, неистовъ и дикъ,
Мой возмущая покой,
Съ улицы слышится крикъ:
Ой-ой-ой!

ДИССОНАНСЫ.

Сходятъ на душу порою
Золотые сны,
Но, увы,—житейской грязью
Всѣ отравлены.

Вотъ лазури блескъ волшебный,
Шопотъ воиновъ морскихъ,
Глазки кроткихъ незабудокъ,
Лилій полевыхъ.

Розы рдѣютъ сладострастно
Вкругъ цвѣтутъ поля,—
И лежитъ подъ елью чья-то
Старая туфля.

Вотъ въ окнѣ мелькаетъ профиль
Съ дивной красотой;
И на землю летитъ сверху
Вдругъ ведро помой.

Вотъ въ тиши аккордомъ райскимъ
Поцѣлуй звучитъ,
Пылкихъ клятвъ allegro vivo
Въ воздухѣ звучитъ.

И мнѣ слышенъ нѣжный голосъ
Слаще пѣнья фей:
— Бюрократикъ, подари мнѣ
Пятьдесятъ рублей!

Инногнито.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Деньги, это цѣль для достиженія средствъ и средство для достиженія цѣли.

Первымъ другомъ дома былъ несомнѣнно Діаволь. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ то время еще домовъ не было.

* * *

— Вамъ дѣлаться нужно полнѣе!—
Тебѣ эскулапы твердятъ;
Пилюльки даютъ изъ желѣза,
Пить портеръ и пиво велятъ.

Но мудрые эти совѣты
Даются, какъ видно, не впрокъ:
И тонше тростинки прибрежной
Голубка, мой милый дружокъ.

Не вѣрь эскулапамъ, не вѣрь имъ:
Ихъ рѣчи по моему—обманъ.
Меня полуби, дорогая,
И будетъ полнѣе твой станъ.

* * *

Ты пришла, и я ликую:
Пѣснь любви пою.
Знаю я, тебѣ подобной
Дѣвы нѣтъ въ раю.

Лучезарнѣй свѣтлой музы,
Сладостнѣй весны
Твои глазки, ну а ножки
Дивныхъ тайнъ полны.

А въ груди твоей роскошной,
Ахъ, въ груди твоей...
Рента падшая, должно быть,
Вмѣсто сердца въ ней!

Дачникъ.

ПРИМѢРНЫЙ ПЕДАГОГЪ.

Помѣщикъ села Т. Иванъ Ивановичъ Амуровъ съ женою уѣхалъ въ Петербургъ. Дома остались двое мальчиковъ-подростковъ и воспитатель ихъ Карлъ Карловичъ Кригсманъ.

— Nun Johann, обратился онъ къ одному изъ своихъ питомцевъ тотчасъ по отъѣздѣ родителей ихъ, пошлайтъ мнѣ Катерин.

— Которую прикажете? бойко справился мальчишка, большую или маленькую Катю?

— Ви завсѣмъ не имѣеть ума!.. Съ большой Катринхенъ я ругался недѣля или два...

— Извините, пожалуйста, Карлъ Карловичъ, я не зналъ.

— Это не уговорка... Ви должень знать всякій привычка свой ушитель... Sie aber Peter... приносить мнѣ бутылка вино, польшая бутылка!..

— Ту, что утромъ папенькѣ откупорили и въ шкафѣ поставили?

— Natürlich!.. Ви очень умна мальчишкѣ... за это я будете вамъ наливать одинъ рюмка.

Мальчики отправились исполнять приказанія своего достойнаго наставника. Карлъ Карловичъ спокойно закурилъ сигару.

Вошла маленькая Катя. Нѣмецъ пошелъ ей на встрѣчу.

— Какой ви зегодня розовы бутонъ?..—Ви завсѣмъ Гретхенъ!.. Знаить изъ Фаустъ Гете...

— Ишь, что вы думали!.. Какую-то еще бусурманскую кличку придумали!.. Съ измальства я Катериной была, Катериной и умереть желаю...

— Ха, ха, ха!.. Ви очень наивъ!.. у... е... завсѣмъ!.. Позвольте васъ цѣловать...

— Лясы-то вы, Карлъ Карловичъ, точить — мастерь... Поцѣлуй его!.. А зачѣмъ вчера въ саду съ Анюткой цѣловались?

— Фуй!.. ви ревнуетъ!.. Это такъ былъ... шутка!

— Хороша шутка!.. Всѣхъ бы васъ, мужчинъ—на одну осину!.. Извѣстное дѣло, обманчики вы—и больше ничего!..

— Нѣтъ... это русски — машенникъ und каналъ... Ми, нѣмци — завсѣмъ другой зортъ.

— Ладно, распѣвай тамъ!..—Онъ обнялъ ее за талью и, несмотря на сопротивление, страстно поцѣловалъ.

Въ ту-же минуту въ залу вошелъ Петя съ бутылкою и двумя рюмками.

— О, ви большой будетъ умница!.. ласково обратился къ нему Кригсманъ... самъ догадался!.. пояснилъ онъ горничной, указывая на рюмку...—Нѣмецъ налилъ рюмку вина и подаль ее своему воспитаннику. Тотъ залпомъ выпилъ вино.

— Зовить сюда вашъ братъ! приказалъ милѣйшій германецъ.

Петя ушелъ.

— Какъ ви думеть?.. што ми къ вино будемъ закусить?

— Мочененькихъ-бы яблоковъ, вздумалось дѣвушкѣ.

— Ну, каршо!.. Johann!.. Johann... Што ви такъ долго?.. Ходити сюда!..

Мальчикъ вбѣжалъ со всѣхъ ногъ.—Зовить сюда Аграфенъ.

— Это—экономку, что-ли? спросилъ Ваня.

— Нѣтъ, ви завсѣмъ глупе... маршь въ угла... Развѣ въ домъ есть другой Аграфенъ... въ цѣлый домъ—одинъ Аграфенъ...

Мальчикъ исполнилъ приказаніе педагога.

— Peter, зовить мнѣ экономка!

Вскорѣ появилась солидная, среднихъ лѣтъ, женщина.

— Чего надоть? грубо спросила она нѣмца.

— Яблоковъ-бы мочененькихъ, Аграфена Кондратьевна! пропищала Катя.

— Стану я для тебя господское добро тратить!.. выдумала!..

— А зачѣмъ конюху-то вчера цѣлую банку варенья вишневаго отдали? огрызнулась горничная.

— Анъ ты и врешь... никакого варенья никогда я никому не давала!..

— Нѣтъ, дала!.. я самъ видѣлъ,—вмѣшался Ваня.

— Вы бы хотъ помолчали!.. Это совсѣмъ не ваше дѣло, возразила экономка.

— Lassen Sie das, остановилъ ребенка нѣмецъ... ви только мѣшаить...

Мальчики убѣжали.

— Знаить, Аграфенъ Кондратне... я замъ видаль зегодня, какъ ви давалъ камердинеръ отъ косподинъ Амурофъ ошень большой мѣшокъ мука!.. Ви приказалъ эта мука отвозить въ городъ къ ваша сынъ... Если ви будетъ, какъ это сказать... unhöflich... не прилишна за мной... я будетъ все рассказать Иванъ Ивановъ...

— Что вы, Карлъ Карловичъ!.. Когда-же я что противъ васъ говорила!.. Никогда-съ!.. т. е... вотъ что... для васъ... я завсегда... съ моимъ большимъ удовольствіемъ... что ни прикажете... въ одинъ моментъ доставлю... Катю только эту самую, примѣрно, совсѣмъ не за что господскимъ добромъ кормить!..

— Ви Аграфенъ Кондратне забиваетъ... онъ—мой друкъ... онъ должень имѣть свой удовольствие...

— Да вѣдь я такъ только... ништо я въ серьеъ... я, пожалуй, принесу...

— Да... да!.. Принесить еще и одна бутылка мадера...

— Извольте, извольте!..—Экономка ушла и вернулась съ двумя бутылками вина.

— А ты, красавица моя, не сердись!.. Я вѣдь сдуру сболтнула, обратилась она къ Катѣ.

— О, мой война не любить... я любить eine angenehme Gesellschaft... приятный общество... Берить мѣсто и будемъ разговаривать...

Экономка сѣла.

— Только, пожалуйста, не говорите вы на счетъ муки господамъ.

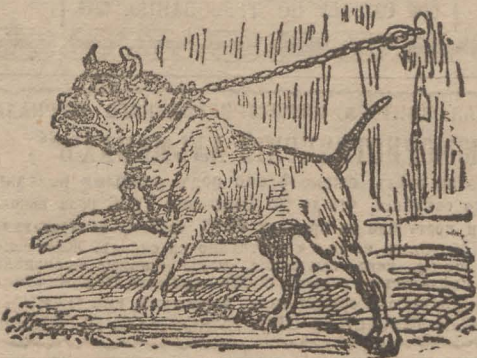
— О, нѣтъ нѣтъ!.. Зашѣмъ?.. Ви меня не обижаль... я васъ не будетъ обижаль...

Пошли взаимныя увѣренія въ любви и расположеніи. Вино лилось въ избыліи. Кригсманъ захмѣлѣлъ и во все горло оралъ какую-то бравурную нѣмецкую арію. Тѣмъ временемъ въ саду между дѣтьми шелъ такой разговоръ:

— Хорошо-бы намъ, Петя, теперъ на лодкѣ покататься...

— А если нѣмецъ увидить?

— Вотъ глупости!.. Есть ему теперъ время... Онъ теперъ съ Каткой и Аграфеной пьянствовать будетъ... а потомъ, къ вечеру, съ Каткой въ городъ улизнуть!.. Скоро-ли домой-то вернутся...

LMA VRUBLEVSKIY BIBLIOTEKA

00200705590 0

— Ты, фараонъ, вести—веди, а драться не мочи—и тебѣ ни какой-нибудь сицилисть, съ нашими братомъ, хулиганомъ, постарше и умѣе тебѣ разговаривать за удовольствіе почитаютъ!

Цѣна за строку непарель въ
1 столбець 25 коп.

Объявленія.

Редакторъ А. Гольмстремъ.
Колум., 39.—Изд. М. Лакшинъ.

Продажа газетъ, журналовъ и др. произведеній печати, а также и подписка на нихъ по редакціоннымъ цѣнамъ. ♦♦♦ Приемъ заказовъ на семахъ и коммисію.

КОНТОРА „Вѣстникъ Объявленій“

Харьковъ, Плетневскій 2, д. Булеч.
банка. Телеф. 1075

производитъ слѣдующія операціи:
Пріемъ объявленій въ мѣстныя и иногороднія газеты, журналы и спеціальныя рекламныя изданія.
Развѣска плакатовъ по станціямъ жел. дор., на пароходахъ, пристаняхъ и въ вагонахъ трамвая.

Изготовленіе и распространеніе всевозможнаго рода рекламъ.

Исполненіе литографскихъ, хромо-литографскихъ и тишенныхъ плакатовъ и клеше.

Переводъ объявленій съ русск. яз. на иностр. и обратно.

СПЕЦІАЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ ГАЗЕТА
„Вѣстникъ Объявленій“.

Къ услугамъ г.г. анонсодателей—агенты для пріема объявленій и артель расчетовъ для распространенія.

●● СМѢТЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ. ●●

Нужны агенты во всѣхъ городахъ Юга Россіи.
Референціи необходимы.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА

„Юмористический Альманахъ“

выходящаго въ свѣтъ еженедѣльно подъ разными названіями, доводитъ до свѣдѣнія, что до 25 Іюля сего 1906 года вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу **56 сборниковъ**. Вышедшіе сборники имѣются постоянно на складѣ. Желающіе получить по почтѣ какъ вышедшіе, такъ и новые еженедѣльные сборники высылаютъ по адресу: *С.-Петербургъ, Коломенская, 39* одну семикопѣчную почтовую марку за каждый, или **ОДИНЪ РУБ.** ЗА КАЖДЫЕ ДВАДЦАТЬ СБОРНИКОВЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Ново! Шведское бѣлье
„КОМПОЗИЦІЯ“.

Выдерживаетъ при ежедневномъ употребленіи не меньше 1 года.

Всѣ фасоны и размѣры.

Цѣна: воротники за шт. 1 руб., манжеты за пару 1 р. 75 к., манжеты 3 велич. 2 р., 1 р. 75 к. и 1 р. 50 к.

СДѢЛАЙТЕ ПРОБУ!

Представитель для всей Россіи

Альбинъ Баде.

Екатерининскій кан. д. № 31 (напрот. Госуд. Банка).

ПРОСПЕКТЫ ВЕСПЛАТНО.

52-3.

Слѣдующій № 57

„Юмористич. Альманаха“

выйдетъ въ свѣтъ подъ названіемъ

„ШОПОУЪ“.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

и живописная мастерская

С. А. ВЕЙНА.

Москва, Петровка, Салтыковскій пер., д. Головкина.

ТЕЛЕФОНЪ 46—40.

Пріемъ заказовъ на декоративно-художественныя, живописныя, малярныя, кровельныя, вывѣсочныя и прочія работы. Цѣны начинаются **отъ 1 коп. до 100 рублей** за квадратный аршинъ.

За исполненіе получены на грады и почт

ныя работы имвышія на-тн. отзывы.